

КРИЗИС ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

И.В. Федяй

Рассматриваются причины современного кризиса гуманитарного образования.

Ключевые слова: образование; традиция; ориентиры; философия; метафизика.

Классическое образование ставит своей задачей воспитание личности на основе общих, присущих данной культурно-исторической традиции ценностных ориентиров. Его цель – дать целостное мировоззрение, представление о добре и зле, смысле жизни. Это и есть “университетская” (универсальная) традиция. Она опирается на систему дисциплин – областей “строгого” знания, в совокупности дающих представление

о Вселенной (универсуме) как целом. Такое образование позволяет освоить культурное ядро своего общества, т.е. соединяет “тело народа”. Поэтому его и называют “генетической матрицей культуры”, через него народ и культура сохраняются и воспроизводятся. Понятно, что особое значение при этом приобретают гуманитарные дисциплины, которые дают не просто знания, а формируют мировоззрение. Отличие их от про-

чих дисциплин состоит в том, что они должны давать знание не большое, а абсолютное, т.е. дело не в количественной их составляющей – она не так и важна (знание большое не все способны вместить), а в качественной (знание абсолютное, т.е. некие безусловные ценностные ориентиры, вмещают все). В таком качестве гуманитарные дисциплины выступают уже не как элементы среди прочих дисциплин-элементов, а как связи, систематизирующие образование и создающие общую картину мира, т.е. суть универсального образования в том, что специальные дисциплины выступают в нем в роли элементов, а гуманитарные – в роли всеобщих связей этих элементов, иначе выступают основой любого образования, тем, что и отличает образование от простой грамотности.

Поэтому либеральная секуляризация образования – это не просто отделение образования от религиозной и культурно-исторической традиции и его самоопределение в качестве нейтрального Ratio. Ведь рациональность всегда вторична, производна и определяется тем, что глубже ее, т.е. не другим, количественно большим, но таким же рациональным, которому можно противопоставить еще большее, а самое наибольшее опять возвести в степень, а сверхрациональным, т.е. знанием иного уровня, из которого как из первопричины можно направить и понять любую рациональность. Иными словами, любая рациональность всегда является лишь инструментом, средством осмысления того, что сверхрационально. Поэтому, отвергнув рациональность как средство осмысления религиозной Истины, или рационализм “дифференциальный”, мы вообще не получим “чистую”, незаинтересованную теоретичность как нечто самодостаточное и абсолютное, т.е. рациональность в качестве уже цели, а останемся на том же уровне условного и конечного, с рациональностью как средством, только уже чего-то иного. Следовательно, секуляризация как историческое самоопределение означает, что силе, ориентированной на запредельные цели, противостоит сила, тоже имеющая запредельные ориентиры, только почему-то в данном случае скрывающаяся за оболочку “чистой, незаинтересованной теоретичности”, т.е. настаивающая на рациональности как цели, не имеющей никаких сверхрациональных основ и ориентиров. Что же это за сверхрациональные ориентиры, столь тщательно скрываемые? Поскольку высшей формой такой рациональности является трансцендентализм, то на его основе и попытаемся это выяснить.

П.Д. Юркевич¹ отметил, что у Платона отличие эмпирических определений внутреннего чувства от общего разума заключается в том, что в первом – представления всегда даны как события, а не как истина. Когда же мы соединяем их под категории в суждениях, мы относим их к первоначальному и неизменному сознанию истины. Иными словами, у Платона в основе любого познания лежит сознание “Я знаю истину”. У Канта “Я знаю истину” превращается в единство сознания “Я мыслю”, т.е., если Платон находит в идеях истину самого разума, то Кант – лишь функции человеческого субъекта. Подводя же категории под физиологическое понятие функций, мы наперед приписываем им характер событий, безразличных по отношению к истине. Таким образом, в основу познания ложатся формы безличного процесса. Это означает невозможность различения истинного от ложного, доброго от злого именно с качественной, содержательной стороны и, значит, перенос акцент на момент количественный, формальный. Это означает полную “свободу” в содержании, при априорности формы, при этом хаотизация и феноменализация содержания приобретают принудительный характер. Таким образом, мы получаем не просто нигилизм по отношению к Истине, а рационализацию этого нигилизма.

На самом деле, удовлетворение, которое испытывает человек, когда при переработке психологического материала по категориям он сознает себя мыслящим, заключается единственно в познании самой истины, открываемой этой работой, как и понимала древняя и средневековая метафизика, когда рациональность открыто укоренялась в самой Истине. Кант же заложил беспримерное в истории направление метафизики, для которого законы действий познающего субъекта есть вместе произведение этих действий познающего субъекта и следствие есть основание самого себя. В дальнейшем это породило философскую систему, которая учит, что безусловное мышление совершает бесконечный процесс миротворения в истории человечества для того, чтобы в сознательном человеческом духе иметь перед глазами тождество своей деятельности. Иначе говоря, рационализация нигилизма по отношению к истине переходит в хилиазм, в истину наоборот. У Гегеля истинная причина саморазвития идеи заключается в том, что идея может полагать только конечные определения,

¹ См.: Юркевич П.Д. Разум по учению Платона и опыт по учению Канта. Соч. – М., 1990.

которые не соответствуют ее бесконечности и которые поэтому должны быть снимаемы в диалектическом процессе. Что, однако ж, выигрывает человеческое сознание, меняя механический процесс атомов на логический процесс идеи? – справедливо вопрошает П.Д. Юркевич¹. Там и здесь самосознание и личный дух есть произведения позднейшего развития основного начала, которое не есть в себе ни самосознание, ни личный дух. Там и здесь сознающая мысль есть феномен такого принципа, который в себе не есть сознающая мысль. Там и здесь поток событий предопределяется натуральной необходимостью, а не передовой мыслью. Т.е. слепой механизм не препобежден у Гегеля идеей, напротив, сама идея открывается в мире как деятель механический.

Абсолютная идея становится лишь общим духом относительности и конечности явлений, отвлеченным от их конкретности и превращенным в норму, воспроизводящую эту относительность и конечность снова и снова. Таким образом, идеализм в борьбе против эмпиризма, который надеялся сложить самое существо души из внешних толчков и впечатлений, постепенно сглаживал различие между сознанием, в котором душа познает действительность, данную ей во внешнем и внутреннем опыте, и субстанциональной душой, которой, как и всякой вещи в мире, принадлежат ей одной свойственные законы и образы деятельности. Хотя, подобным же образом различие между явлением и вещью в себе новая философия стала признавать не метафизическим, как это полагал Кант, а гносеологическим. Следовательно, понятием явление и сущность стали обозначать различные степени и совершенства нашего знания и понимания, а значит, познание явления становится по мере своего совершенства познанием сущности! Как в жизни нравственной, так и в знании человек начинает с движений и состояний субъективных и заканчивает ими. Получается, что гуманитарные науки имеют дело с феноменом. Они рассматривают человеческую историю и культуру как факт и стараются осмыслить и упорядочить его, избличая в нем некоторую идеальную оформленность. Во всех своих видах это избличение некоей идеальной оформленности является всего лишь вторым этажом исторического исследования, – считает В.Ф. Эрн². Все упорядочивающие философские и исторические гуманитарные схе-

мы строятся для объяснения исторического процесса, взятого как факт. Поэтому данные гуманитарные схемы не выходят за пределы феномена истории и культуры, и этот феномен держит в своих пределах упорядочивающую, дедуцирующую и даже “мифотворческую” мысль.

Древнее и средневековое понимание гуманитарной теории (“Я знаю Истину” как основа любого познания) была занята не феноменом ее, а корневым вопросом о сущности самого понятия этой теории, т.е. о метафизической возможности самого феномена. Она была занята вопросом о том, имеет ли гуманитарная теория свою положительную идею, некую онтологическую сущность, независимую от опыта, доминирующую над всем историческим гуманитарным процессом и определяющим его. Если же понятие гуманитарного процесса признается результативным, то он начинает пониматься не как выявление некоей абсолютной истины, а лишь как бесконечная и сложная комбинация, в себе простых, конечных, беспрерывно повторяющихся элементов. Ибо, если в истории гуманитарных дисциплин отсутствует подлинное метафизическое движение, то оно носит характер чисто феноменологический, или иллюзорный, ибо сущность, ноумен истории гуманитарного знания является тогда, лишь сменяющимся рисунком бесконечных становлений и снятий его феномена. Следовательно, вопрос о том, что лежит в основе познания – “Я знаю Истину”, либо “Я мыслю” – находится во внутреннем и безусловном отношении не только к вопросу о сущности гуманитарного знания, но и к вопросу о сущности самого человека. Метафизическое же движение в человеке возможно лишь при условии, что в нем изначально имеются просторы онтологических возможностей, что человек не только дан, но и задан самому себе.

Таким образом, когда основой новоевропейского образования является не основное положение древней и средней метафизики “Я знаю истину”, а положение, рационализирующее нигилизм по отношению к истине – “Я мыслю” – связь мышления с сущей реальностью, с Истиной, конкретно выражаемой определенными культурно-историческими традициями, перерезывается, а значит, сверхрациональное начало начинает постигаться не как положительная потенция высшей разумности, до которой должна расти разумность исходная, а как граница и предел, переводящие бесконечность внутреннюю, актуальную во внешнюю, понимаемую как бесконечность процесса мышления. Внутренняя

¹ См.: Юркевич П.Д. Идея. Соч. – М., 1990. – С. 58.

² См.: Эрн В.Ф. Основная мысль второй философии Джоберти. Соч. – М., 1991. – С. 448.

природа гуманитарного знания признается статичной, развивается лишь его внешнее, фактическое накопление. Таким образом, гуманитарные науки, основывающиеся на этом новом *ratio*, как на индивидуально-самодостаточной энергии мышления, не укорененной больше ни в какой содержательной реальности и следующей лишь имманентной логике собственных отвлеченных понятий, – превращаются в идеальную норму эмпирического и случайного содержания.

Следовательно, гуманитарное знание становится результативным, комбинационным, наводненным иногда метафизическими терминами, но не имеющим метафизической сущности, а значит, задача гуманитарного знания начинает определяться сознанием возможности приобретать общегодные сведения и невозможности познать истину. Гуманитарное знание признается способным выявлять смысл отдельных фактов, либо дать некую схему их внешней совокупности, но не способным определить их внутреннюю сущность. Иначе говоря, оно сначала становится позитивным, а значит, перестает быть абсолютной связью системы знания, превращаясь лишь в один из его элементов, а затем факты, рассматриваемые как самодостаточность явлений, вне связи с любой сущностью, постепенно начинают рассматриваться как единственно возможная сущность (имманентизм). При этом явления из явлений-фактов переходят в явления-отношения, связи, т.е. начинают рассматриваться в деятельной парадигме, и гуманитарное знание начинает пониматься лишь как реакция на фактические стимулы – бихевиористично. Так, гуманитарное знание, в виде абсолютного, связывающего, становится лишь ритмическим рисунком сменяющегося относительного, фактического.

Данный гуманитарный рационализм имеет дело лишь с явлением, с его мнимой самодостаточностью. Он перетолковывает материал знания в смысле того, что оно обнимает собой лишь явление, т.е. тень бытия, а не действительность, его логическую структуру, а не реальность. Системность гуманитарных дисциплин начинает пониматься как общий дух относительности, конечности и фактичности дисциплин специальных, отвлеченный от их дробности и возведенный в норму, воспроизводящую эту дробность и относительность снова и снова. Гуманитарное знание простирается не дальше и содержит в себе не больше, чем есть действительного в знании специальном, фактическом. Например, наука права, призванная раскрывать идею справедливости и ее временное осуществление в человеческих

законодательствах, превращается в безразличное руководство к приобретению искусства выигрывать процессы. Следовательно, смысл знания понимается не как открытие абсолютной истины в разных сторонах человеческого существования, а как мыслительная реакция на фактические внешние стимулы. Так, каждая дисциплина помещается в область средств и разобщается с системой ценностей, а гуманитарные дисциплины становятся обязательной и главное аксиологизирующей нормой этого разобщения. Иначе секуляризация образования, как отрыв от Истины, живого содержания действительности и превращение гуманитарных дисциплин как рациональных принципов в чистую отвлеченную связь (Кант), приводит к тому, что единственной истиной и живым содержанием гуманитарного знания становится сама эта отвлеченная связь, процесс (Гегель). Смысл из сущности образования как воспитание личности, на основе абсолютных ориентиров, переносится в его процесс, как механическое наращивание конечных фактических знаний. Поскольку никакое количество этих условных, конечных знаний не сможет дать знания безусловного, т.е. ориентирующего, основополагающего, то смысл образования переносится в его процесс, как нечто непрерывное и неизменное. Таким образом, диалектический процесс положения и снятия относительного позитивного знания и становится, собственно, единственным содержанием знания абсолютного – гуманитарного.

Как общекультурное движение данный рационализм связан с болезнью духа, – считает В.В. Зеньковский¹, либо с религиозной трагедией Запада. Итак, в основе данного явления болезнь духа, т.е. ориентиры этого *Ratio* также запредельные, духовные, но болезненные, извращенные. Итак, данный запредельный источник не есть иная реальность, а лишь искажение сущей реальности, направление к разложению, энтропии, а значит, суть его просто в методе, ни в “что”, а в “как”. В основе его лежит не иная истина, а вообще отрицание любой истины в качестве устойчивой формы, всеобщей системной связи. Поэтому данный тип рационализма является не осмыслением какого-то иного содержания, а **иным** осмыслением того же содержания, т.е. представляет собой иной структурный принцип. Он перестраивает структуру, низводя онтологическую истину со статуса всеобщей связи на уровень одного из множественных дробных элементов, а нигилизм по отношению к истине

¹ См.: Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. – Л., 1991. – Т. 1(1). – С. 213.

(онтологический нигилизм), направление к отрицанию, возводит в новый всеобщий принцип связи. Нигилизм и отщепенчество из случайных фактов переводятся в структурные связи, рационализируются и возводятся в новый системный принцип, априорную норму. Данный структурный принцип, как рационализация нигилизма, не присущ ни одной религии или культуре как таковой, но одинаково присущ всем ересям и сектам в виде антитрадиционализма – отрицания истины и традиции, ее выражающей, как устойчивой всеобщей связи. Он отделяет общий дух разложения, нигилизма от случайности их конкретных проявлений и возводит его в норму, воспроизводящую это разложение снова и снова. Иначе говоря, источником философской психологизации категорий, отрицания их метафизической значимости является совершенно специфическая среда всевозможных ересей, отклонений, нигилизма и прочих “прелестей” представителей пятой колонны. Именно эта, эмансипировавшаяся от традиции и культурной системы, среда и создает мировоззренческую основу новой трансцендентальной философии, которая лишь рационализирует и систематизирует все это отщепенчество, возводя его в новый структурный принцип. У отщепенчества и нигилизма не может быть содержания, поэтому и осмысление их будет охватывать лишь логическую структуру данного “бытия”, т.е. данная рациональность будет перетолковывать материал знания в том смысле, что он охватывает лишь тень бытия, его логическую структуру, а не реальность. Так как данная структурная перестройка есть разложение уже сущего,

т.е. возможна всегда как нечто вторичное, перестраивающее, то для аксиологизации этой вторичности и выдвигаются теории “прогресса”.

В результате происходит перестройка структуры образования в трансцендентальном векторе с его двухсоставностью – дробными фактическими знаниями, никак между собой не связанными и не могущими иметь общезначимого, объединяющего, ориентирующего значения, с одной стороны; и абстрактными логическими схемами, дающими общие принципы, являющиеся ничем иным, как отвлечением общего духа этой фактичности и дробности и возведением его в норму – с другой. Получается, что это не кризис образования, а сознательная его перестройка на сектантской, извращенческой основе, на основе отрицания культуры как устойчивой формы. И приводит она к созданию иного типа общественной структуры, с иной иерархией и иным типом человека. Метафизическая истина отрицается как основа любой культуры и любого образования, и из всеобщей связи низводится на уровень частного элемента, а само это отрицание возводится в новые, формально-безличные способы связывания элементов, т.е. превращается в устойчивую всеобщую основу. Таким образом, сектантство (отрицание культуры в качестве устойчивой формы) становится общей связью в этой новой цивилизации, а общая культурная традиция превращается в сектантскую, частную сферу. Новая система образования, с новой, специфической ролью гуманитарных дисциплин, должна воспроизводить этот “новый порядок” снова и снова.